

Заметки об оценках
К.Н.Леонтьева в русской
и зарубежной литературе

Произведения Константина Николаевича Леонтьева в наши дни активно переиздаются и комментируются, к анализу его творчества обращаются и философы, и писатели. Интерес к Леонтьеву — не мода, продиктованная теми или иными конъюнктурными соображениями; сам факт возрождения интереса к его творчеству отражает пока еще не совсем ясные, но глубинные, внутренние потребности современной духовной жизни. Это подтверждается также и тем, что обращение к русскому писателю и мыслителю носит своеобразный «интернациональный» характер — на Западе постоянно растет количество работ, в которых анализируется его творчество. И с течением времени Леонтьев оказывается все более и более современным, более понятным и ясным для нас, но все же — не понятным до конца.

Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) — выходец из дворян Калужской губернии, медик по образованию, служивший во время Крымской войны военным лекарем, затем работавший сельским врачом в Нижегородской губернии. В течение десяти лет, с 1863г. он занимает различные консульские должности в греческих городах. После выхода в отставку более года проводит на Афоне; с 1880г. — помощник редактора «Варшавского Дневника», затем — цензор в Москве. В 1887 г. опять уходит в отставку, уезжает в Оптину пустынь и, приняв тайный постриг с именем Климента, переезжает в Сергиев Посад, где и заканчивает свои дни. В молодости поклонник Жорж Санд и И.С.Тургенева, Леонтьев постепенно освобождается от их влияния; его само-

бытный талант проявляется прежде всего в произведениях, описывающих жизнь Востока, полных ярких и свежих красок, молодой непосредственности в восприятии жизни. Однако с течением времени Леонтьев начинает все более критически относиться к своему раннему творчеству и к отдельным произведениям зрелых лет, считая, что в них содержится большой заряд языческого, чувственного начала. Леонтьев постепенно становится выразителем идеала, который в критических статьях о его творчестве принято обозначать как религиозно-аскетический византизм».

Творчество не избалованного вниманием современников писателя и мыслителя переживает первое возрождение уже после его смерти — на рубеже XIX-XX веков, когда издается полное собрание его сочинений, выходит большое количество работ русских философов, посвященных Леонтьеву¹. Это — первая попытка российской интеллигенции осмыслить литературное и философское наследие инока Климента. Затем в течение десятилетий фамилия Леонтьева почти не упоминается в нашей стране: он попадает в разряд «реакционеров», сторонников «культы палки», апологетов самодержавия и т.п.

Только в конце 60-х — начале 70-х годов происходит второе возрождение творчества Леонтьева, когда эту фамилию «вдруг припомнили. И припомнили неожиданно ярко. Отнюдь не как почтенную

¹ См., например, Александров А.А. Памяти Константина Николаевича Леонтьева. — «Богословский Вестник», 1915, февраль; Козловский С. Мечты о Царьграде Леонтьева. — «Голос Минувшего», 1915, № 3; Булгаков С.Н. Победитель — Победенный. В кн.: Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1918; Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Париж, 1926 и др.

литературную древность, а как живой предмет спора, дискуссии»².

Из публикаций этого времени, на наш взгляд, могут быть отмечены прежде всего упомянутая статья А. Л. Янова и статья П.П.Гайденко «Наперекор историческому процессу. Константин Леонтьев — литературный критик» («Вопросы литературы», 1974, № 5).

Центральный вывод Янова — утверждение, что «Леонтьев конструирует византизм, как славянофилы конструировали свою утопию: как идеальный план, как проект переустройства России, как ее светлое будущее. И предварительным условием этого переустройства... он считает всего лишь скромную задачу — добиться культурной независимости от Европы»³. Именно поэтому, делает вывод Янов, «вся его концепция, вся его социально-политическая программа продиктована этим невыразимым ужасом перед наступлением на Россию европейской культуры. Что бы ни писал Леонтьев, к чему бы ни призывал, пером его водил ужас... Он же продиктовал ему и сам пресловутый деспотический стереотип, ибо в нем, в этом стереотипе, видел он единственное средство спасения России. Не наступать на Европу, а спасать от нее Россию — вот действительный мотив его писаний!»⁴.

Янов стремился показать Леонтьева как охранительного мыслителя по преимуществу, как своеобразного консервативного утописта, по своему общему умонастроению близкого к Платону периода «Законов». Леонтьев в данной статье предстает мыслителем, у ко-

торого консервативные тенденции доведены до наиболее чистой формы своего проявления, —ведь даже в социализме, понятом «как следует», Леонтьев стремился найти не что иное, как свое собственное понимание византийского деспотизма, своеобразный «новый феодализм». Именно благодаря стремлению к такой абсолютной консервативности, считает Янов, русский мыслитель не был понят и принят ни своими врагами, ни своими друзьями⁵, одни из которых стремились к социальному прогрессу (что означало для Леонтьева господство пошлых мещанских интересов либерализма), другие — лишь к видимости консерватизма, к «мундирному славянофильству», или, как писал сам Леонтьев, к славянофильству теории, а не к славянофильству жизни.

Если и сегодня можно согласиться с такой оценкой Янова как с самым общим положением, как с максимально внешней оценкой, то ни в коем случае нельзя остановиться на таком способе понимания консервативного, «деспотического стереотипа». Дело в том, что мы не можем рассматривать «деспотизм» Леонтьева лишь с точки зрения общеполитической и даже общекультурной. Политические и консервативно-культурные выводы, которые делает Леонтьев, суть лишь следствия, своеобразные «итоговые выражения» его философского взгляда на то, что есть деспотизм. Вот как об этом писал сам Леонтьев. В качестве фундамента всякого подлинного, истинного существования он рассматривал «внутреннюю идею», которая «держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающие стремления. Прогресс же, борющийся против

2 Янов А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев. Вопросы философии», 1969, № 8.

3 Там же, с. 104.

4 Там же, с. 103.

5 Там же, с. 106.

всякого деспотизма сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т.п., есть не что иное, как процесс разложения, процесс того вторичного упрощения целого и смещения составных частей... процесс сглаживания морфологических очертаний, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т.е. деспотически) свойственны общественному телу»⁶.

Таким образом, «деспотизм» для Леонтьева — это прежде всего наличие «органических особенностей», их постоянное действие как внутренне, или — «деспотически» присущих общественному телу. Когда последнее утрачивает «деспотизм», оно перестает существовать как таковое, поэтому наличие такого «деспотизма» — это обязательное условие сохранения жизни, существования того или иного «тела». Политические и культурные симпатии Леонтьева — лишь следствие такого понимания деспотизма, они ни в коем случае не могут рассматриваться как некий самодовлеющий консерватизм.

Следует сказать, что во времена своего опубликования статья Янова была ценной, в частности, тем, что в ней говорилось о значительном внимании к творчеству Леонтьева со стороны западной интеллигенции и русской эмиграции. Это само по себе уже звучало как своеобразный призыв к преодолению забвения его произведений в России.

В статье П.П.Гайдено при анализе известного положения Леонтьева о трех фазах развития — от первичной простоты к развитой сложности и последующему вторичному упрощению — высказывается интересная мысль, которая на первый взгляд может показаться

лишь нюансом. «Леонтьеву дорого начинающееся разложение почвы, потому что, когда оно заходит слишком далеко, «разврат» становится пошлым и грубым, «буржуазным» и в этой своей форме «вторичного упрощения» претит Леонтьеву. Когда почва еще не разрушена и свежа, ее разложение сопровождается страданием и болью, и лишь до тех пор, пока продолжается это страдание, можно говорить о красоте. Ни вполне здоровая почва, ни уже достаточно разложившаяся, по Леонтьеву, эстетической ценностью не обладают»⁷. Речь, в сущности, идет о том, что сам процесс перехода в развитии культуры, общества из стадии первичной простоты в стадию развитой сложности и есть состояние культуры и общества, в котором с наибольшей силой проявляет себя красота жизни. Или можно сказать по-другому — развитие лишь в те моменты есть развитие истинное, когда процесс перехода из первичной простоты в цветущую сложность еще не закончился. Почему именно так? Вероятно, потому, что сам факт наличия страдания и боли, качественного изменения и есть истинная жизнь, которая, с одной стороны, уже оторвалась от своего первично простого, элементарного, как бы «зачаточного» состояния, но в то же время еще не пришла к какой-либо четкой, фиксированной определенности — цветущей сложности или стадии вторичного упрощения; в этом состоянии «между» жизнь лишена однозначно определенного выражения и именно поэтому — истинно красива.

Это ни в коем случае не абсолютизация состояния перехода, не

⁷ Гайдено П. Наперекор историческому процессу..., с.203 (подчеркнуто мной. — В.Ж.).

⁶ Леонтьев К. Записки отшельника. М., 1992, с.119.

придание последнему самодовлеющего значения. Ведь определяющее значение в данном случае имеет прежде всего *новизна* как существеннейшая черта «начинающегося разложения почвы», свежесть начинающегося изменения, которое полностью теряет эти черты, становится «пошлым и грубым», вступая в свои дальнейшие определенные, четко выраженные, с неизменными характерными особенностями стадии развитой сложности и вторичного упрощения.

В 60-х — начале 70-х годов появляется целый ряд статей о Леонтьеве в энциклопедических и учебных изданиях⁸.

Наконец, сегодня можно уже говорить о третьем возрождении интереса к творчеству Леонтьева, когда происходит своеобразный поворот в развитии философского сознания России, который находит свое выражение в том числе и в переработке идей русского мыслителя.

Можно выделить два основных направления современного анализа творческого наследия Леонтьева. Первое заключается в активном воспроизведении и осмыслении оценок творчества Леонтьева, которые были даны в трудах русских религиозных философов конца XIX — начала XX столетия. Происходит своеобразная «переработка» этих оценок, иногда они развиваются и дополняются, но почти всегда современные авторы остаются в пределах прежних суждений о Леонтьеве. Приведем некоторые примеры.

8 См., например: Шкуринов П. Леонтьев К.Н. — Философская энциклопедия. М., 1963, т.3; Розанова С.А. Леонтьев К.Н.— Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т.4; Муравьев В.С. Леонтьев К.Н.-БСЭ. М., 1973, т. 14; Пеунова М.Н. Нео славянофильство. — В кн.: История философии в СССР. М., 1968, т.3, с. 338-341.

Поскольку нравственная проблематика, вопрос о нравственном идеале настоящего и будущего является одним из самых «больных» для современного российского сознания, вполне естественно, что современные исследователи творчества русского философа постоянно анализируют в своих публикациях этическую позицию Леонтьева, почти всегда соизмеряя эту позицию с его пониманием красоты, эстетического начала в жизни в целом. Рассматривается, по сути дела, проблема взаимоотношения «красоты» и «нравственности», «красоты» и «добра», и симпатии большинства исследователей оказываются в этом вопросе отнюдь не на стороне Леонтьева. Вот несколько характерных высказываний: «Красота была ему дороже человека, и во имя красоты он был согласен на какие угодно страдания и истязания людей. Он проповедовал мораль ценностей красоты в противоположность морали, основанной на сострадании человеку»⁹. «Он преступал черты общепринятых моральных максим, отбрасывая их, если они не согласовывались с прекрасным»¹⁰. «Леонтьев был воинствующим антигуманистом, его сочувствие вызывал человек красивый, «поэтический», а к человеку страдающему он остался равнодушен и холоден»¹¹.

Оценки Леонтьева как «антигуманиста» в современной атмосфере российского общества с чисто психологической точки зрения вполне понятны, но, на наш взгляд, не могут быть признаны

9 Слесарева Г.Ф. Константин Николаевич Леонтьев. — «Философские науки», № 11, 1991, с.109.

10 Корольков А.А. Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного прогресса. — Там же, с.116.

11 Сивак А.Ф. Константин Леонтьев. — Л., 1991, с.58-59. Здесь Сивак соглашается с оценкой Леонтьева Бердяевым.

адекватными. Ведь в них, по сути дела, лишь воспроизводится один из старых стереотипов российского философского сознания: развитие русской мысли понимается по аналогии с развитием западной метафизики; сама аналогия выступает в данном случае как отличительная черта такой позиции. Вышеприведенные оценки философии Леонтьева представляют собой «наложение» на последнюю довольно распространенной еще и сейчас интерпретации концепции Ф.Ницше как «эстетизма» «по ту сторону морали» (с такой позиции в свое время рассматривал взгляды Леонтьева Н.Бердяев).

Следует упомянуть здесь и монографию А.А.Королькова¹², где автор подробно анализирует оценки Леонтьева, данные В.В.Розановым, Н.А.Бердяевым, В.С.Соловьевым и другими русскими философами. Корольков считает, что единственный, с кем может быть сопоставлен Леонтьев, это — Сёрен Кьеркегор¹³. Главную характерную черту произведений Леонтьева автор видит в том, что «почти в любой его книге, статье, заметке обосновывается один и тот же круг идей»¹⁴ и эти идеи связаны прежде всего с тем, что русский мыслитель видел «историческую пагубу для цветения наций» в «пути, избранном Европой»¹⁵. Далее Корольков называет Леонтьева «философом, опередившим Ницше, Шпенглера, экзистенциалистов»¹⁶. Можно соглашаться или спорить с такой констатацией, но в любом случае необходимо более конкретное раскрытие того, в чем Леонтьев оказался выше, современнее извест-

ных западноевропейских философов: в том ли, что он ближе к так называемому «онтологическому» направлению, — тогда в чем конкретно проявляется эта близость; в том ли, что философия Леонтьева — это одно из наиболее радикальных проявлений консервативной тенденции в самом общем смысле слова «консерватизм», —но тогда в чем особенность, специфика, в чем «соль» именно леонтьевской позиции. Вероятно, ответы автора на эти вопросы могли бы быть более конкретными, тогда, несомненно, его книга вышла бы за пределы анализа оценок философии Леонтьева Розановым, Бердяевым и другими и приобрела бы более самостоятельное «звучание».

Авторы многих публикаций стремятся дать максимально общую характеристику рассматриваемой философии —оценку, которая не была бы простым воспроизведением уже существующих, —но, к сожалению, либо недостаточно аргументируют свою позицию, либо сама оценка носит чрезвычайно общий характер (что, вероятно, в свою очередь и затрудняет ее аргументацию). Так, авторы рецензии на книгу Королькова соглашаются с одной из его оценок философии Леонтьева как «парадоксальной»¹⁷, не объясняя истока, результата, конкретного смысла «парадоксальности» позиции Леонтьева, что в таком случае оказывается лишь внешней характеристикой концепции, но не выражает ее внутреннего содержания.

Второе направление нынешней интерпретации творчества К.Леонтьева на первый взгляд кажется значительно более современным и заключается прежде всего в

17 Пушкин С.Н., Шапошников Л.А. — Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. Сивак А.Ф. Константин Леонтьев. — «Вопросы философии» 1993, № 4.

12 Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991.

13 Там же, с. 109.

14 Там же, с. 117.

15 Там же, с. 116.

16 Там же, с. 119.

стремлении истолковать концепцию русского мыслителя в «национал-патриотическом» духе. Представители данного направления уделяют особое внимание оценке его политической позиции, соотносению положений его философии с современным пониманием демократии, патриотизма, возрождения православия и России. Т.Глушкова так пишет об актуальности мировоззрения Леонтьева: «Сполна оценить глубину, чрезвычайную важность леонтьевского спора с Достоевским можно бы как раз в наши дни. Дни, когда столь популярен космополитический «срез» православия, в муках возрождающегося у нас — сквозь экуменизм, католический яд, соловьевский «христианский универсализм»: сквозь заново потопительные, «прогрессивно-гуманные» силы...»¹⁸

Глушкова соглашается с Леонтьевым, что «дисциплина национальных нравов для общества спасительнее самых привлекательных качеств общечеловеческой нравственности...»¹⁹ Казалось бы, симпатии автора данного утверждения очевидны. Но в то же время, пытаясь понять мировоззрение Леонтьева, Глушкова не может обойти молчанием тот факт, что отношение русского философа к «национальному» нельзя отождествлять лишь со стремлением к «племенному самолюбанию»²⁰, к которому русский мыслитель и не имел никогда никакого отношения. Позиция Леонтьева, считает Глушкова, есть «мудрый взгляд на мировое и национальное — их двуединство или практическое тождество этих понятий, равно противоположных космополитизму...»²¹.

С

такой оценкой можно спорить или соглашаться, нельзя согласиться лишь в том, что «двуединство» и «практическое тождество» получают в данном случае однозначную смысловую оценку; по смыслу это — слова разные; точно так же, как различны «мировое» и «национальное», и уже в силу этого они ни в коем случае не могут быть «равно противоположными» «космополитическому». В данном случае это смысловое противоречие не есть случайная погрешность; здесь противоречие в смысле есть прямое отражение противоречивости позиции самой Т.Глушковой (мы вернемся к этому ниже).

Близок к Т.Глушковой и В. Кочетков, который считает, что «чтение Константина Леонтьева ... — это возвращение к национальному строю и стилю мышления»²². В числе прочих причин, которые обуславливают обращение наших современников к книгам Леонтьева, Кочетков видит «руссофобию», «насмешку над «рабской психологией» русского народа», «равнодушие к его традициям», «забвение его идеалов»²³ и т.п. Если Глушкова стремится — в той или иной мере — но все же как-то воспроизвести позицию самого мыслителя, то Кочетков просто представляет Леонтьева как предшественника современных политических «национал-патриотических» идеалов. При этом приводятся слова Леонтьева о том, что «нам нужно вовсе не смешение с народом, а сходство с ним...»²⁴ Но это утверждение совсем не означает преданности национальному идеалу в современном политическом смысле;

18 Глушкова Т. «Боюсь, как бы история не оправдала меня...» Вступит. статья в кн.: Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М., 1992, с.36.

19 Там же, с.29.

20 Там же, с.48.

21 Там же, с.55.

22 Кочетков В. Жизнь и судьба неузнанного гения. —В кн.: Леонтьев К. Записки отшельника. М., 1992, с. 16.

23 Там же.

24 Там же, с. 15.

«сходство» для Леонтьева — это есть преданность *органической* самобытности русской жизни, ее естественному своеобразию, которое, конечно же, изменялось, никогда не представляло какой-либо одной *раз и навсегда зафиксированной* идеи национальной самобытности. У самого Леонтьева читаем: «Местами более против прежнего крупная, а местами более против прежнего чистая группировка государственности *по племенам и нациям* есть... не что иное, как поразительная по силе и ясности своей подготовка к переходу в государство космополитическое, сперва всеевропейское, а потом может быть и всемирное!» И еще — более откровенно: «*Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространения космополитической демократизации*»²⁵.

Для самого Леонтьева «национализм» и «космополитическая демократизация» — это несколько не противоречащие друг другу идеи; в том-то и специфика философии Леонтьева, что она находится как бы «по ту сторону», «вне» буквальных аналогий с современными политическими движениями. Поэтому неизбежна внутренняя противоречивость позиции любого автора — не только Глушковой и Кочеткова, — который берется за анализ позиции русского мыслителя, исходя из той или иной современной политической «установки».

И уж совсем недопустимо братья за анализ философских произведений, испытывая внутреннее презрение к самой философии, к людям, которые занимаются ей. Глушкова приводит слова Леонтьева, который «с яркою парадоксаль-

ностью доказывает: «я не доверяю вообще слишком большой *последовательности* мысли». А ведь этот — то принцип, девиз, практику, — продолжает Глушкова, — как раз труднее всего бывает понять записным философским грамотеям! Между тем дело здесь не в том, что, умея следить прямую причинность в возникновении и развертывании событий, Леонтьев способен был так же — поверх нее — улавливать как раз «беззаконность» иных результатов и следствий... Он, как мало кто, *ощущал* саморазвитие жизни, уважал саморазвитие мысли»²⁶. То, что для каждого «философского грамотея» есть азбучная истина, которая подтверждена целыми философскими направлениями, — возможность так называемого «иррационального» отношения к действительности, — для Глушковой представляет, вероятно, откровение.

В целом интерпретация творчества К. Леонтьева с «национал-патриотических» позиций представляет собой очевидное извращение идей русского мыслителя. Если у представителей первого направления анализ концепции Леонтьева отвечает по крайней мере задачам историко-философской науки и эта концепция выступает как цель исследования, то во втором случае рассматриваемая философия превращается лишь в средство утверждения определенных идеалов в политике, по сути дела — в средство идеологической проповеди.

К счастью, К. Н. Леонтьева изучают не только в нашем отечестве. Среди многочисленных публикаций о Леонтьеве за рубежом следует отметить работу Ю. Иваска — известного исследо-

26 Глушкова Т. «Боюсь, как бы история не оправдала меня...», с. 59-60.

25 Леонтьев К. Н. Цветущая сложность, с. 191, 185.

вателя творчества русского мыслителя (в последнее время статьи Иваска о Леонтьеве, публиковавшиеся в «Вестнике РСХД», стали доступны для отечественных читателей). Вот несколько высказываний Иваска. «Византийское церковное христианство никогда не затмило в его душе языческих богов и героев древней Эллады»²⁷. В ранних романтических художественных произведениях Леонтьева, например в «Подлипках», чувствуется дыхание христианства, Христос как бы присутствует в них, в то время как в позднем периоде его творчества, и особенно когда Леонтьев принял монашеский постриг, дух христианства, несмотря на внешнюю принадлежность к нему Леонтьева, совершенно отсутствует²⁸. Чем больше он оказывается формально близок к христианству, тем больше он отдаляется от него в действительности. Причин для такого «внутреннего язычества» русского мыслителя, считает Иваск, несколько. Леонтьев «любил великую Россию, но особой личной привязанности ни к Московскому Царству, ни к Петербургской Империи у него не было»²⁹. Очевидно, что под «величием» Иваск в данном случае имел в виду не его формально-государственное выражение, а полноту, яркость проявления различных форм жизни в России. Ведь «больше всего он (Леонтьев. — В.Ж.) любил бьющую ключом и пестро расцветающую жизнь. Был страстный, до бесстыдства, жизнелюб, каких мало в русской

литературе»³⁰. И наконец, еще одно высказывание Иваска: «Может быть, в XX веке его (Леонтьева — В.Ж.) больше всего оттолкнула бы тупость, пошлость, распушенность, отсутствие настоящего жизнелюбия и творческого почина. Те же леонтьевские реакции были у очень Леонтьевым ценимого, хотя официально как будто враждебного ему «близнеца» — Герцена. Оба они свободолобивые, прихотливые жизнелюбы, поверхностно исповедовавшие — один реакционные, а другой революционные идеи»³¹.

Позиция Иваска интересна тем, что он стремится вывести творчество Леонтьева из-под гнета идеологических оценок, политических интерпретаций и заглянуть «внутрь» его творчества. Для Иваска Леонтьев — не консерватор, не православный, не славянофил и т.п., — все это лишь внешние наклейки, с помощью которых догматические интерпретаторы русского мыслителя стремятся подогнать его творчество под ту или иную схему, показывая при этом не самого Леонтьева, а свою собственную ограниченность. Оценки Иваска ценны тем, что они отражают, на наш взгляд, перспективу понимания Леонтьева у нас, в России, перспективу отказа от старых или новых философских штампов в оценке его творчества и понимания последнего из его собственных истоков.

В.Н.Жуков

27 Иваск Ю. Константин Леонтьев. — «Вестник РСХД», № 121, с. 33.

28 Там же, с. 187.

29 Иваск Ю. Что Леонтьев читал, ценил, любил. «Вестник РСХД», № 123, с. 177.

30 Там же, с. 178.

31 Там же, с. 179.